

Приложение:

Надпись с посвящением в честь победы Тейрана со списком аристопилитов по изданию КБН, № 36.

40 Ἀντισθένης Ἀλεξάνδρου, Ματῆ - Σαρβίων(ος),
 [Μαχ]άρ[ι]ος? Φιδάν(ου), Ψυχαρίων Πατερ(ίου),
 --- ος Ἀρδα(ίσκου?) καὶ οἱ ἐπιμη-
 [ν]ε(ύ)σαντες Μαρκίαν(ος) Πατερ[ί]ου,
 --[Ἄ]ρδα(ρίσκου?), Ἀριστ(είων?) Π[ό]θου, Ζήνων
 45 --ι. ος Πάπ(ου), Ἀρδάρακ(ος) Σαρβ(ίωνος),
 ---ς Σαρβίων(ος), Μίσχας -----
 ---ρ-Φι. αγους, Μαστο. Εδ-
 -----ως, Α[υ]σ[ο]κρά[τ]ης|

 50 -----θιανν-----
 -----ις β', Ἄλκιμ(ος)---

 -----Ἔρμου
 ----- Βασίλει(ος) Φιλί(ππου?)

A

B

Ἀ(τ)πθῆ τυχῆ.
 Βασίλειοντος | βασιλεύς | Γεβερίου
 Τουλίου Τειράνου φιλοκαίσαρος καὶ φιλο-
 5 ρωπαίου, εὐσεβοῦς, θεοῦ ἐπουραν[ί]-
 ους Δεῖ Σωτήρι καὶ Ἡρα Σωτήρα ὑπὲρ
 βασιλέως Τειράνου νείκης καὶ αἰωνίου|
 διαμονῆς καὶ Αἰλίας βασιλείουης
 νασαί ἀνεόστραν τὸν τελαμῆνα [οἱ ἀρι]-
 10 στοποιεῖται τοῖς ἰδίοις θεοῖς καὶ εὐ-
 εργέταις, ἱερατευόντος Ἰουλ(ίου) Χορᾶ[ρ]-
 νου Ἀφροδείσιου πρὶν λογα[γ]οῦ,
 καὶ οἱ λοιπὴ ἀριστοποιεῖται:
 Μενίστρατος Γ[ο]ρ[ε]μ[φ]ιλ[ί]ου? ἐπὶ τῆς
 15 βασιλείας καὶ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας,
 Φάνης Σακίως χειλιάρχης καὶ ἐπὶ|
 τῶν Ἀσπουριανῶν, Φάν(ν)ης Ἀγαθοῦ
 ἀρχιγραμματέως, Χαρίτων Σεικη-
 φῶν λογαγῆς, Φιδάνου Θεα[τ]ί-
 20 λου πρὶν πικετάρχης, Λείρα[ν]ος|
 Φίλα πικετάρχης, [Ε]β[ρ]ιος Μενε-
 στρατοῦ, Ἔρωις Ῥαδάματωος πρὶν ἱ-
 εῖ τῶν λόγων.

B

Ψυχαρίων Σέρου ἐπὶ τῶν λόγων, Ψ[ι]-
 25 χαρίων Ἡρακλ[ε]ίβ[α], Λάξιος Ἐν-
 --, Βαδά[κ]ης Μενεστ(άτου), Φαδίναν-
 [ι]ος αρ--, Βαρβαρίων Μ[ε]υ[λ]α(ου?), Ἴε --
 --ν(ου), Ἀλέξανδρος β' πρὶν ἐπὶ
 τῆς πικετ(ίας?), Χαίβας(?) Μενεστ(άτου), Πικ[ε]τ[α];
 30 Χορᾶ(ου), Χορᾶ(ος) β', Ἀντισθένης|
 Προβ(ίου), Πάνας(?) Δημητ(ρίου), Φαδίνος
 Παρφί(ου), Πόθος Μηνᾶ, Μενίστρατος
 [Ζ]ήνωνος, Θε[ε]ρ[φ]ί(ος) Σι.ουαρ --, Βά[κ]βα-
 ριος Θεοφίλος, Μενίστρατος [β']
 35 γραμματέως, Τάβας Βαράννο,
 --εῖ ἐπὶ τ... Παιριάδης, οα-
 αῖ -- Ἡρακλ(είδης) Χορᾶ(ου?), Δια[τ]ό(ος) Μακας(ίου),
 [Ἄ]ρ[δ]α[ρ]ά[κ]η Πανκί(ου), Τιτίου Μάρ(ωνος),
 [Σ]τ[ρ]α[τ]ο[κ]ρί(ος) Ἀρδα(ίσκου?), Γ[ό]θ(ου) Λυσι(στράτου?),

В. Н. ЗИНЬКО, Л. Ю. ПОНОМАРЕВ

ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ ПОСЕЛКА ГЕРОЕВСКАЕ

За последние десятилетия в ходе археологических разведок на Керченском полуострове обнаружено большое количество памятников салтово-маяцкой культуры [Гадло 1968а, с. 59-60; Талис 1974, с. 93; Баранов 1990, рис. 1]. Но, к сожалению, изучены они еще очень слабо. На протяжении длительного времени исследователи основное внимание уделяли средневековым памятникам Юго-Западного Крыма и Южнобережья, в то время как восточнокрымские изучались спорадически и неполно.

В сложившейся ситуации значительный интерес представляют результаты исследований Боспорской охранно-археологической экспедиции, которые на протяжении уже десяти лет проводятся в юго-восточной части Керченского полуострова на хоре античного городища Нимфей. В ходе сплошных разведок на площади около 70 кв. км, помимо античных, было обнаружено свыше 50 раннесредневековых памятников [Scholl, Zin'ko 1999; Зинько, Пономарев 2000, с. 186-200]. На некоторых из них, подвергавшихся разрушению вследствие береговой абразии и интенсивной распашки, были проведены археологические раскопки. В результате были открыты многочисленные жилищно-хозяйственные и разнообразные погребальные комплексы [Зинько 1997а, с. 40-41; Зинько 1997б, с. 122].

В 1996 году Боспорская охранно-археологическая экспедиция проводила раскопки на поселениях Героевка-2 и Героевка-3, располагавшихся на краю берегового плато в 2,5 км к югу от поселка Героевское.

На вершине кургана, находившегося у северной окраины поселения Героевка-2, под каменным завалом была открыта небольшая постройка, состоявшая из одного помещения, которое имело форму квадрата (рис. 1). Обнаруженное здание было сильно разрушено. Уцелели только остатки каменных цоколей, толщина которых достигала 0,6-0,8 м. Они были сложены из средних и мелких необработанных камней известняка постелистой двухпанцирной кладкой. Пространство между двумя внешними панцирями было заполнено мелким бутом. Вход в здание находился с северо-восточной стороны, что весьма необычно для планировки жилых раннесредневековых построек Восточного Крыма. В этом случае строителями и обитателями постройки абсолютно не учитывалось направление господствующих в этом регионе в осенне-зимнее время

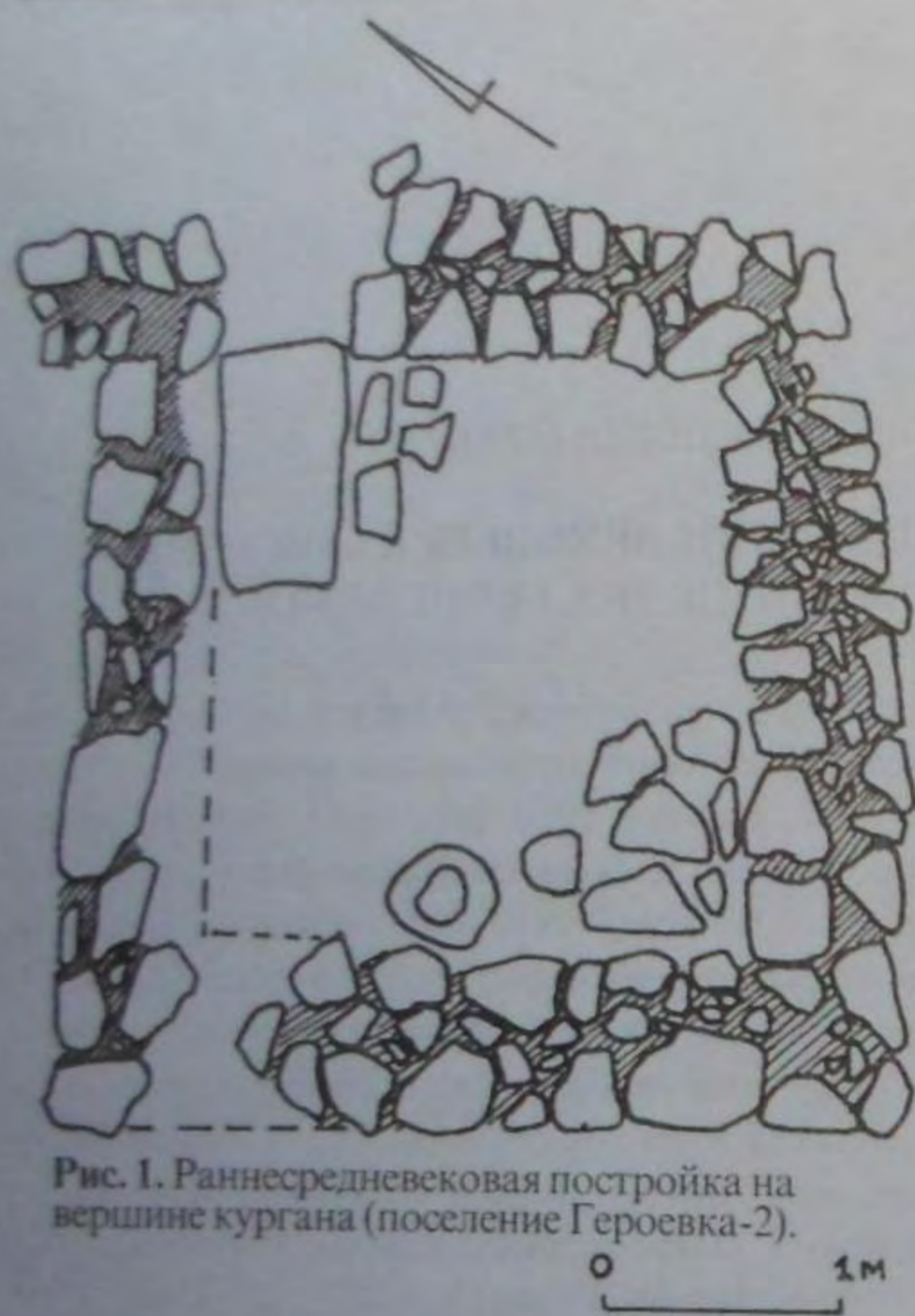

Рис. 1. Раннесредневековая постройка на вершине кургана (поселение Героевка-2).

холодных ветров [Подгородецкий 1988, с. 68]. С внутренней стороны дверного проема была зачищена каменная вымостка, оформленная массивной хорошо обработанной известняковой плитой и несколькими плоскими камнями. Внутри помещения у юго-западной стены был устроен открытый очаг, представлявший собой неглубокую линзовидную выемку диаметром 0,55 м. С южной стороны к очагу примыкала еще одна каменная вымостка, сложенная из необработанных плиток известняка. В других частях помещения полом служила утрамбованная, с вкраплениями частиц золы и угольков, суглинистая насыпь кургана.

Среди малочисленных находок, обнаруженных внутри и вокруг постройки, преобладали фрагменты красноглиняных амфор с хорошо выраженным

бороздчатым рифлением на тулове. Значительная часть из них, судя по структуре и составу формовочной массы, были изготовлены в гончарных центрах Юго-Восточного Крыма [Ковнурко 1968, с. 121, группа 1]. Их сильно измельченные обломки были представлены фрагментами стенок с хорошо выраженным рифлением, частью сферического дна с небольшим выступом посередине и овальными ручками с продольными ребрами по боковым граням и заостренным гребнем на верхней плоскости (рис. 2,4,5) [Якобсон 1979, с. 31, рис. 13,1-3]. Ранее большинство исследователей вслед за А.Л.Якобсоном датировали бороздчатые амфоры VIII-IX вв. [Якобсон 1979, с. 31; Борисова 1960, с. 45; Рыжова 1982, с. 149-155]. В последнее время появились и иные точки зрения, согласно которым бороздчатые амфоры стали производиться несколько позже – в первой половине - середине IX в. или во второй половине IX в. [Науменко 1997, с. 334; Седикова 1994а, с. 64-65]. На наш взгляд, все же нельзя исключать того, что в Юго-Восточном Крыму и возможно на Боспоре [Якобсон 1958, с. 472] бороздчатые амфоры появляются несколько раньше – во второй половине - конце VIII в. Предложенную А.Л.Якобсоном нижнюю границу их существования подтверждают и результаты раскопок А.И.Айбабина в Кооперативном переулке г. Керчи [Айбабин 2000, с. 173]. Одновременно нельзя не согласиться с тем,

что в особенно большом количестве они изготавливались во второй половине – конце IX в. Несколько гончарных комплексов этого времени известно в Херсоне [Седикова 1994б, с. 434-440]. Анализ обнаруженного в них керамического материала показал, что амфоры с бороздчатым туловом составляли наибольшее число изделий. Интенсивность из производства во второй половине IX в. подтверждают и данные раскопок раннесредневековых поселений Восточного Крыма, Приазовья и Нижнего Подонья, где бороздчатые амфоры, наряду с высокогорлыми кувшинами с плоскими ручками, составляли значительное большинство керамической тары [Шелов 1957, с. 100; Гайдукевич 1952, с. 51; Якобсон 1971, с. 303; Плетнева 1963, с. 55, рис. 23; Плетнева 1994, рис. 59,1]. Не существует единого мнения и относительно верхней границы их существования [Науменко 1997, с. 334-335]. Не исключено, что претерпев некоторые морфологические изменения бороздчатые амфоры доживают до XI в. [Антонова и др. 1971, с. 90; Макарова 1991, с. 125-126].

Несколько венчиков, обнаруженных внутри постройки, принадлежали амфорам, тулово которых в верхней части было украшено несколькими зонами концентрических окружностей. Относительно времени их бытования среди исследователей нет единого мнения. Они датируются по-разному: VIII-IX вв. [Паршина 1974, с. 59; Баранов 1981, с. 57]; IX в. [Якобсон 1979, с. 32]; IX-X вв. [Гадло 1980, с. 141]; X в. [Артамонов 1935, с. 73-75]. Но в последние годы все чаще время их бытования определяется в широких пределах VIII-XI вв. [Науменко 1997, с. 328; Айбабин 2000, с. 171-172]. По форме венчика и горла обнаруженные амфоры с мелко-зональным рифлением можно разделить на два типа. Одни завершались плоско срезанным, подтреугольным в сечении венчиком (рис. 2,1,2) [Седикова 1995, с. 170-171, рис. 1,2, тип 1], а другие имели полукруглый венчик и небольшое ребро в средней части горла (рис. 2,3) [Седикова 1995, с. 171, рис. 4, тип 3].

Столовая посуда представлена единственным фрагментом верхней части ойноховидного кувшина, изготовленного из плотной, покрытой прозрачным ангобом глины светло-бежевого оттенка. Его ручка на месте верхнего крепления была украшена пальцевым вдавлением (рис. 2,6). Подобные кувшины обнаружены на многих раннесредневековых памятниках Крыма, Приазовья и Подонья [Седикова 1995, с. 172-173; Сорокина 1969, рис. 1,7; Плетнева 1994, рис. 59,2; Михеев 1994, рис. 1,4,7-10] и датируются в широких пределах VII-IX вв. [Веймарн, Айбабин 1993, с. 191] или 80-ми гг. VI – первой половиной XI вв. [Сазанов 1994, с. 47-48].

Кухонная керамика представлена несколькими обломками горшков салтово-маяцкого типа. Они были сформованы на ручном гончарном круге из рыхлого теста с примесью морских дробленых раковин, кварцевого и детритусового песка, шамота, железистых оолитов и комков сухой необожженной глины. Разнообразный состав отошителей указывает на их местное происхождение. Венчик одного из горшков был украшен овальными вдавлениями, а стенки другого – зональным горизонтальным рифлением (рис. 2,7,8). Подобные сосуды встречаются на всех без исключения памятниках салтово-маяцкой культуры и обычно датируются в широких пределах VII-X вв.

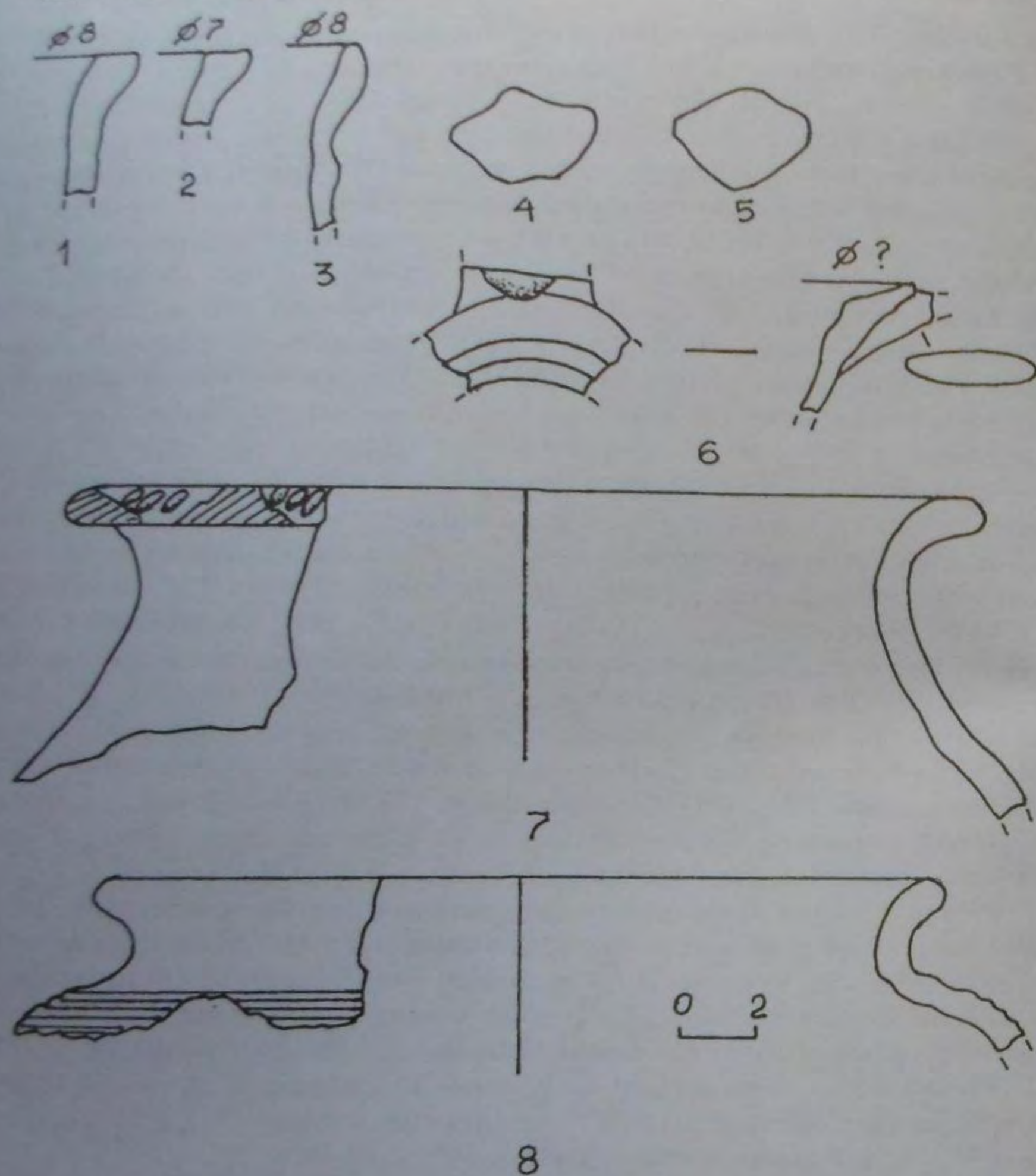

Рис. 2. Керамика из раннесредневековой постройки на вершине кургана (поселение Героевка-2).

Среди находок выделялась ножка античной амфоры, которая, судя по форме и дополнительной обработке поверхности излома, могла использоваться в качестве амфорной крышки. Подобные случаи вторичного применения фрагментов античных сосудов зафиксированы и на других раннесредневековых памятниках Крыма [Белый, Назаров 1992, с. 140; Зинько, Пономарев 1999, с. 199].

Рассмотренный керамический комплекс позволяет датировать постройку лишь в широких пределах – второй половиной VIII - концом IX вв. К сожалению, сузить хронологические рамки ее существования пока не представляется возможным, так как значительная часть археологического материала традиционно относимого к VIII-IX вв. не имеет более узких датировок.

До конца не ясно и функциональное назначение открытой постройки. Как мы уже упоминали выше, она была сооружена на кургане, с вершины которого хорошо просматривались акватория Керченского пролива и прилегающий к нему участок Черного моря. Такое расположение довольно необычно для раннесредневековых жилых построек Керченского полуострова. Они, как правило, возводились на равнинной местности, южных пологих склонах холмов, в низинах и поймах степных рек и ручьев. На курганах раннесредневековых сооружений обнаружено не было. В средневековые курганы предыдущих эпох сохранили свое изначальное предназначение и продолжали использоваться для совершения погребений [Зинько 1994, с. 126; Зинько 1998, с. 179]. Одновременно, выявленный комплекс обладал рядом конструктивных особенностей, которые позволили усомниться в том, что он мог иметь жилой характер. Среди них следует отметить небольшие внутренние размеры помещения и необычное расположение входа, устроенного со стороны господствующих в осенне-зимнее время холодных ветров. Помимо этого, внутри и вокруг постройки не было обнаружено следов активной и продолжительной хозяйственной деятельности, а выявленный материал был представлен единичными мелкими фрагментами керамики и несколькими костями животных. Таким образом, открытый на вершине кургана строительный комплекс вряд ли мог использоваться в качестве жилого дома или хозяйственной постройки. На наш взгляд, его можно интерпретировать как дозорно-наблюдательный пункт (башню?). В этом случае особого внимания заслуживает пассаж из сочинения ал-Масуди “Промывальни золота и рудники драгоценных камней”, где упоминается хазарская застава в “устье рукава моря Найтис” в 912-913 гг. [Гаркави 1870, с. 131]. Многие исследователи полагали, что эта застава могла находиться на восточном (таманском) берегу Керченского пролива [Мавродин 1955, с. 43]. Сообщение известного арабского географа и историка позволяет предположить, что и в VIII-IX вв. на берегах пролива могли существовать наблюдательные посты-защиты, с помощью которых осуществлялся контроль над этой важнейшей для Хазарского каганата торговой и стратегической морской магистралью.

В этом же полевом сезоне проводились охранные раскопки на южной окраине поселения Героевка-3. В ходе работ была открыта постройка, состоявшая из двух помещений, ориентированных по линии запад-восток (рис. 3) [Зинько 1997а, с. 41]. Восточное помещение (I) в плане было прямоугольным и имело размеры 4,75x2,5 м. Каменные цоколи стен сохранились на полную высоту 0,5-0,6 м и достигали толщины 0,55-0,6 м. Они были сложены из мелкого и среднего необработанного известнякового бута на суглинистом растворе. Кладка стен была смешанной. Нижний ряд уложен постелистой двухпанцирной кладкой с забутовкой посередине, а верхние – местами в “елочку”. Сверху стены, вероятно, достраивались при помощи саманных кирпичей

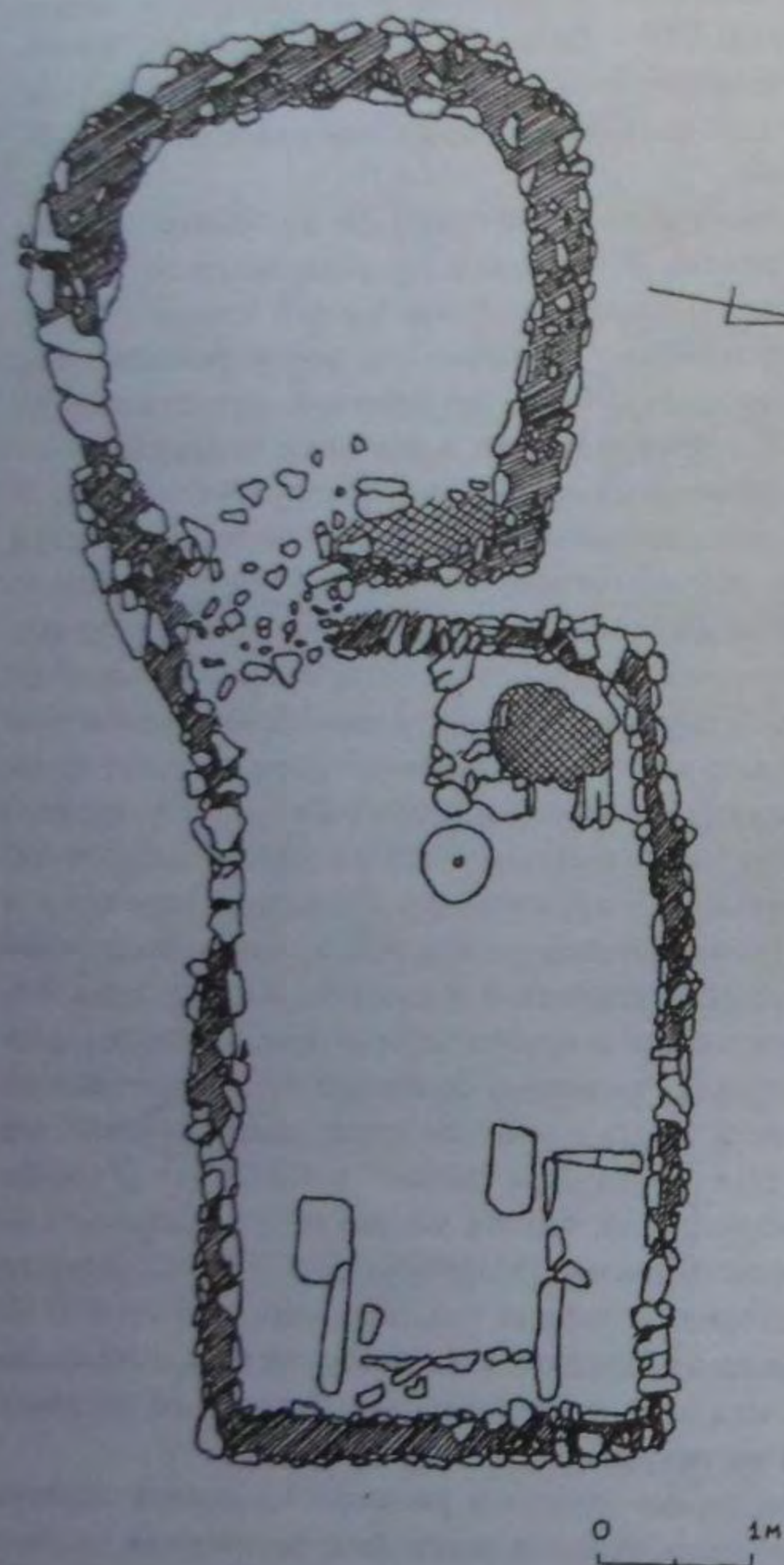

Рис. 3. Раннесредневековая постройка с южной окраины поселения Героевка-3.

или суглинистых блоков. Об этом свидетельствовали мощные развалы сырца, обнаруженные внутри постройки. В северо-западном углу помещения I зачищена печь, сложенная из известняковых плиток высотой 0,2-0,3 м. Она имела округлую в плане топку и перекрывалась сырцовым сводом. Стенки поддувала были дополнительно выложены морской галькой. Подобные печи-«каменки» были неперенным атрибутом интерьера многих раннесредневековых жилых построек Керченского полуострова и Юго-Восточного Крыма [Гадло 1968б, с. 82; Бабенчиков 1958, с. 98; Баранов 1990, с. 51]. Рядом с печью был обнаружен вмонтированный в пол ротационный известняковый жернов, назначение которого в данном случае остается пока еще не совсем ясным. В северо-восточном углу находился прямоугольный каменный ларь, сооруженный из вертикально вкопанных в пол хорошо обработанных известняковых плит. Эти плиты, судя по высокому уровню обработки, были добыты из близлежащих разрушенных античных построек и использовались уже вторично. Возле каменного ларя была найдена переносная жаровня, изготовленная из крупного фрагмента стенки амфоры с граффити в виде пятиконечной звезды (рис. 5,2). Пол помещения находился ниже уровня дневной поверхности и представлял собой утрамбованный

лессовидный суглинок с включениями мелких частиц золы и угольков.

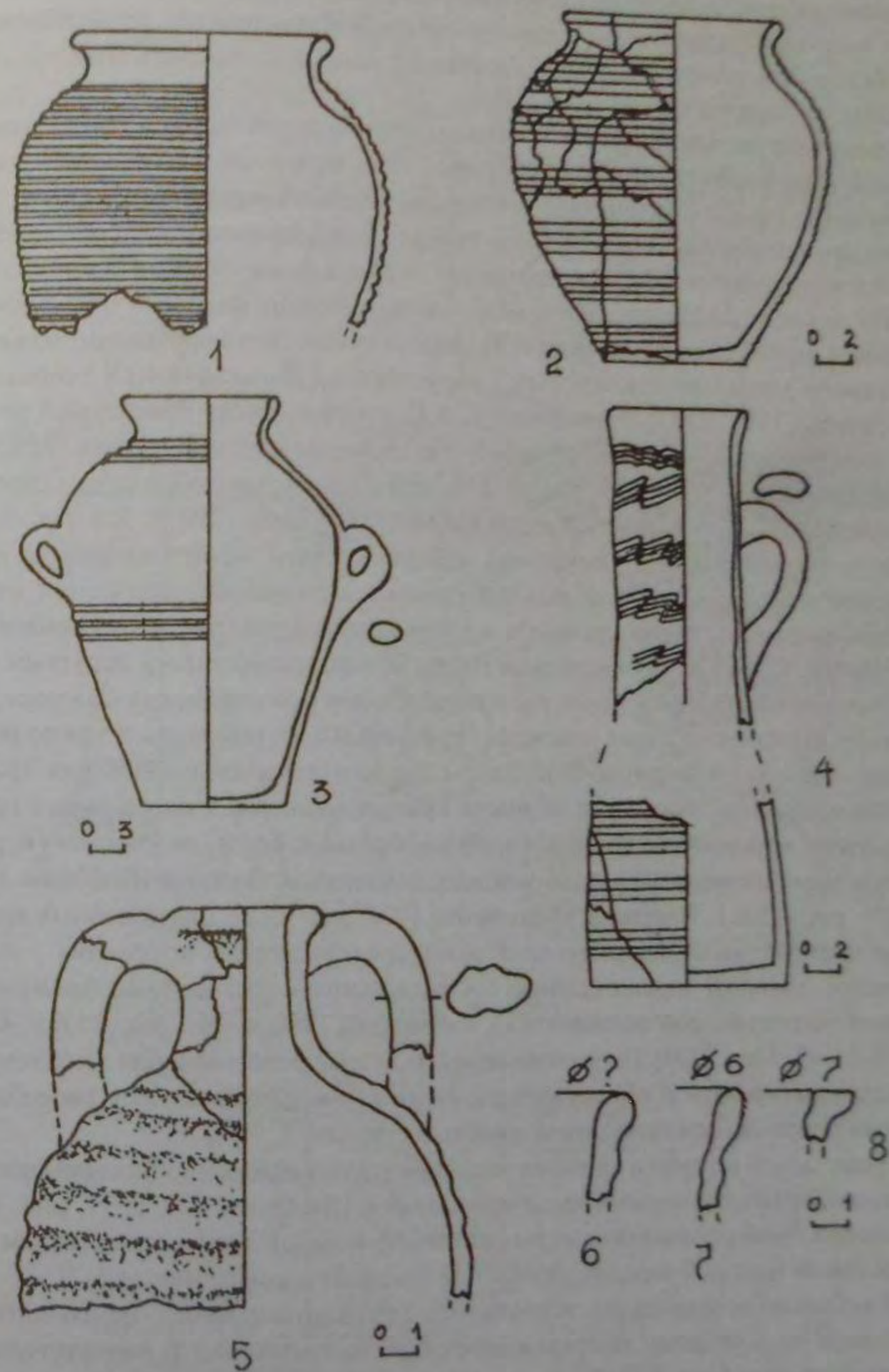

Рис. 4. Керамика из раннесредневековой постройки (помещение I) с поселения Героевка-3.

В заполнении и особенно на полу помещения I было собрано большое количество керамики, значительную часть которой составляли сосуды салтово-маяцкого типа. Среди них преобладали сильно закопченные кухонные горшки, изготовленные на ручном гончарном круге (рис. 4,1,2). На дне одного из горшков был обнаружен фрагмент гончарного клейма (рис. 5,1).

Среди салтовской керамики местного производства особо хочется отметить высокий цилиндрический сосуд, который был изготовлен из плотной хорошо отмученной глины с примесью мелко дробленной морской ракушки, сухой необожженной глины и шамота. Его тулово, завершавшееся слабовыраженным округлым венчиком, было украшено несколькими зонами волнистого и горизонтального рифления. В верхней части, немного ниже венчика крепилась небольшая петлевидная ручка (рис. 4,4). Аналогичный сосуд происходит из нижнего ("хазарского") слоя Саркела, который датируется второй половиной IX – серединой X вв. [Плетнева 1981, с. 67]. По мнению С.А.Плетневой, также отмечавшей редкость этого типа сосудов, они предназначались для сбивания масла [Плетнева 1959, с. 218, рис. 86; Плетнева 1967, с. 120, рис. 6]. Помимо Саркела, маслобойки выявлены и на поселениях VIII-IX вв. Правобережной Кубани [Тарабанов 1993, с. 118, рис. 5,3,4].

Не менее интересна и уникальная находка корчаги, сформованной на ручном гончарном круге из пористой рыхлой глины с включением дробленной морской ракушки, кварцевого песка, шамота и железистых оолитов (рис. 4,3). Корчага имела грушевидное тулово и воронковидное горло, которое завершалось округлым слегка вогнутым венчиком. На плечиках располагались две небольшие петлевидные ручки. Тулово было украшено двумя поясками горизонтального рифления. Судя по размеру, а также пористости формовочной массы корчага предназначалась для хранения сыпучих продуктов. Этот сосуд не имеет прямых аналогов, хотя по форме тулова и ручек очень напоминает лощеные пифосообразные большие горшки (корчаги), обнаруженные на многих салтово-маяцких памятниках Подонья [Плетнева 1959, с. 214, 216, рис. 4,5,6,1; Плетнева, Николаенко 1976, рис. 7,12]. Два подобных лощеных сосуда происходят из верхнего слоя раннесредневекового поселения у поселка Героевское, который хорошо датируется несколькими фрагментами белоглиняного поливного блюда второй половиной IX в. [Баранов 1990, с. 101, рис. 35,6,9; Ваганов 1990, S. 41-42, Abb. 7,8,9]. По всей видимости, второй половиной или даже концом IX в. следует датировать и обнаруженную нами корчагу, являющуюся своеобразным местным подражанием привозным лощеным сосудам.

Среди тарной керамики наиболее массовую группу находок составляли фрагменты небольших красноглиняных бороздчатых амфор [Якобсон 1979, с. 31, рис. 13,1-3]. Одни из них были сформованы из рыхлой темно-красной с лиловым оттенком глины, другие имели плотный черепок, покрытый бежевым ангобом (рис. 4,5-7).

В небольшом количестве встречались фрагменты амфор с мелко-зональным рифлением на плечиках, завершавшиеся плоско срезанным и подтреугольным в сечении венчиком (рис. 4,8) [Седикова 1995, тип 1].

Наряду с амфорами при зачистке пола помещения I и среди подъемного материала

обнаружено несколько стенок высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, которые в последнее время обычно датируются второй половиной IX-XI (началом XII) вв. [Плетнева 1981, с. 33; Сазанов 1994, с. 47].

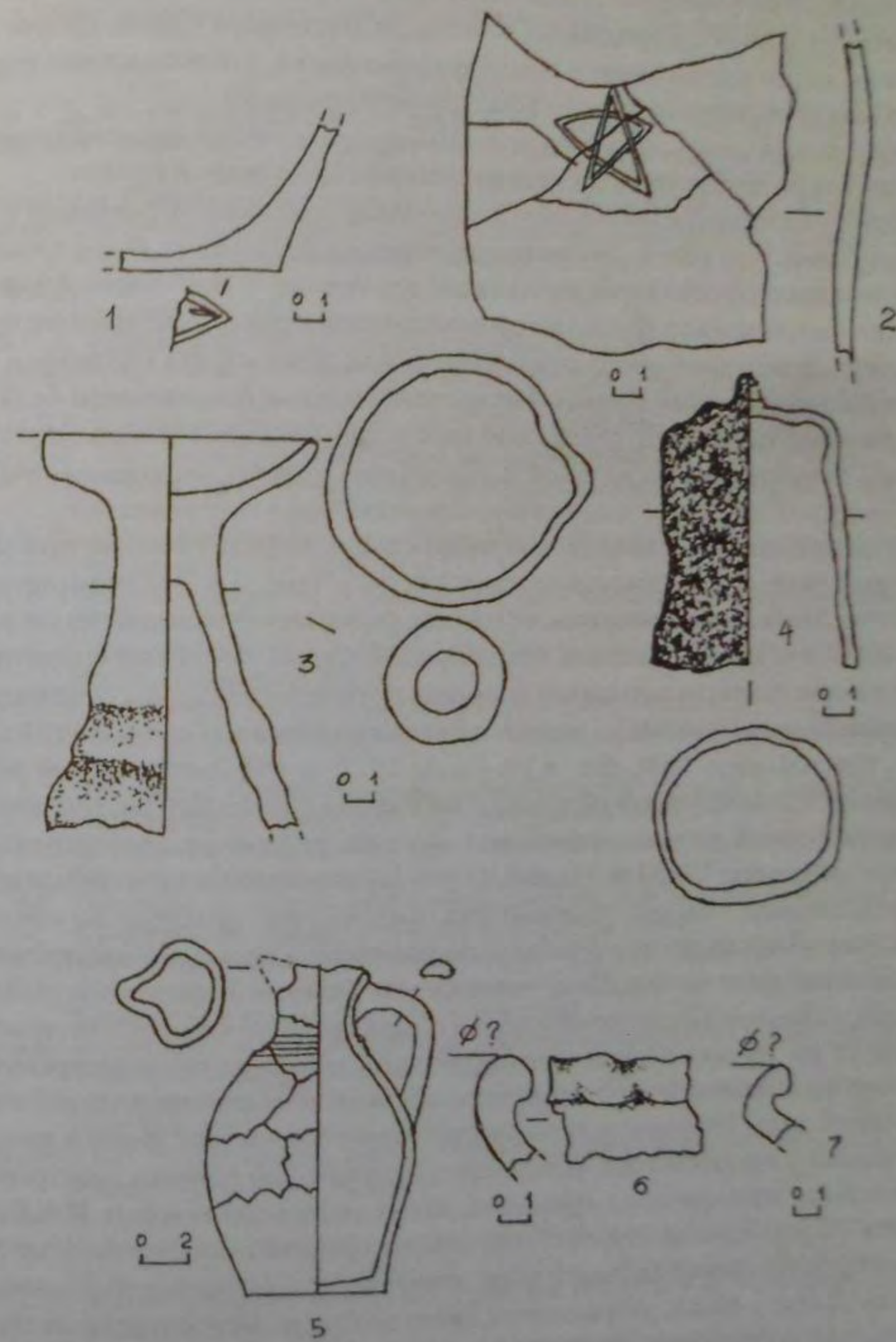

Рис. 5. Керамика из раннесредневековой постройки с поселения Героевка-3.

Столовая посуда представлена несколькими обломками стенок красноглиняных ойнохой, украшенных горизонтальными полосами белого ангоба.

Особый интерес среди керамических изделий вызывает светильник открытого типа на высокой конусовидной полой ножке (рис. 5,3). Подобного рода находки еще не встречались в раннесредневековых комплексах Восточного Крыма. Скорее всего, этот светильник, на что указывает и характер излома ножки, был использован вторично и изначально происходит из другого более раннего комплекса.

Среди находок следует отметить железный колокольчик, предназначавшийся для подвешивания на шею крупного и мелкого рогатого скота (рис. 5,4).

С западной стороны к помещению I примыкало помещение II, имевшее в плане округлую форму. Его стены, достигавшие толщины 0,52-0,61 м, были сложены в технике постелистой двухпанцирной кладки и в "елочку". В юго-восточной части помещения был обнаружен проход, который посредством еще одного дверного проема, выявленного в западной стене помещения I, соединял их. На последнем этапе существования постройки проход между помещениями был заложен большими известняковыми камнями. В северо-западном углу помещения II находилась печь, сложенная из поставленных на ребро и обмазанных изнутри глиной известняковых плит.

Внутри помещения было собрано небольшое количество мелких фрагментов бороздчатых амфор и салтовской кухонной посуды (рис. 5,6,7). Среди последней хочется отметить венчик сероглиняного горшка, украшенного пальцевыми защипами, в результате чего ему придавалась волнообразная форма. Подобный орнамент был широко распространен на салтовской керамике, происходящей с раннесредневековых памятников Крыма, Приазовья, Подонья и Северного Кавказа [Гайдукевич 1952, рис. 124,2,3; Красильников 1979, рис. 6,19; Гадло 1975, с. 65]. Значительный интерес представляет красноглиняный ойноховидный кувшин, найденный внутри печи (рис. 5,5). Своей формой он очень напоминал ойнохой, широко распространенные на крымских памятниках VII-XI вв. Однако, состав формовочной массы и грубый врезной орнамент, который заменил обычный для этих сосудов орнамент выполненный ангобом, указывали на то, что ойнохоя была изготовлена местными мастерами.

Археологический материал, полученный в ходе раскопок открытого строительного комплекса, позволяет датировать его лишь в общих пределах – второй половиной VIII – концом IX вв. На протяжении этого периода он неоднократно перестраивался, в результате чего менялась его планировка. На первом этапе существовало только помещение II, округлая форма которого иллюстрирует отсутствие навыков каменного домостроения у его строителей. В дальнейшем с восточной стороны пристраивается прямоугольная однокамерная постройка, время появления которых И.А. Баранов относит к IX в. [Баранов 1990, с. 48]. Некоторое время оба помещения существуют вместе, составляя единый архитектурный комплекс. Для сообщения между ними, как уже упоминалось выше, устраивается дверной проем. Особенности интерьера, характер и массовость археологического материала указывают на то, что помещение I имело жилой характер, в то время как помещение II выполняло по-видимому

хозяйственные функции. На заключительном этапе помещение II было заброшено, а дверной проем небрежно закладывается камнями.

Гибель всего комплекса, судя по находкам на полу помещения I нескольких фрагментов высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, следует отнести к концу IX в., когда были заброшены подавляющее большинство поселений Восточного Крыма.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
 Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Калеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. 1971. Вып. 7.
 Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. 1935. Вып. 131.
 Бабенчиков В.П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
 Баранов И.А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. 1981. Вып. 2.
 Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
 Белый А.В., Назаров В.В. раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 1 // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.
 Борисова В.В. Средневековая гончарная печь // СХМ. 1960. Вып. I.
 Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
 Гадло А.В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о южном Приазовье VIII-X вв. // Вестник Ленинградского ун-та. 1968. Т. 14. Вып. 3.
 Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 года) // КСИА. 1968. Вып. 113.
 Гадло А.В. Городище Казар-Кала (к вопросу о хазарской культуре в северном Дагестане) // КСИА. 1975. Вып. 144.
 Гадло А.В. К истории Восточной Таврики VIII-X вв. // Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980.
 Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
 Гаркави А.Г. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. по Р.Х. СПб., 1870.
 Зинько В.Н. Охранные археологические исследования в г. Керчи // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994.
 Зинько В.Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Византия и Крым. Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1997а.
 Зинько В.Н. Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997б.
 Зинько В.Н. Погребальные комплексы с хоры Нимфея // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.
 Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Гончарная керамика VIII-IX вв. с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. Керчь, 1999.
 Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
 Ковнурко Г.М. Петрографический анализ средневековых амфор из Крыма и Приазовья // КСИА. 1968. Вып. 119.
 Красильников К.И. Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА. 1979. Вып. 160.
 Мавродин В.В. Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955.
 Макарова Т.И. Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991.
 Михеев В.К. Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с. Червоная Гусаровка // Древности. Харьков, 1994.
 Науменко В.Е. раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. I.

- Паршина Е.А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Киев, 1974.
- Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. 1959. №75.
- Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
- Плетнева С.А. от кочевий к городам // МИА. 1967. №142.
- Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1981.
- Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище // МАИЭТ. Симферополь, 1994. Вып. IV.
- Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. №3.
- Подгородецкий П.Д. Крым. Природа. - Симферополь, 1988.
- Рыжова Л.А. Гончарная печь VIII-IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982.
- Сазанов А.В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX-XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
- Седякова Л.В. керамическое производство в Херсонесе в IX в. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тез. докл. междунар. конф. Симферополь, 1994а.
- Седякова Л.В. Керамические печи IX в. в Херсонесе // МАИЭТ. Симферополь, 1994б. Вып. IV.
- Седякова Л.В. Керамический комплекс первой половины IX в. из раскопок водохранилища в Херсонесе // РА. 1995. №2.
- Сорокина Н.П. Средневековое погребение из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиция Государственного Исторического музея. М., 1969.
- Талис Д.Л. Росы в Крыму // СА. 1974. №3.
- Тарабанов В.А. Поселения болгар на правобережье Кубани // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993.
- Шелов Д.Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
- Якобсон А.Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. №85.
- Якобсон А.Л. Рец.: Археологические исследования средневекового Крыма. - М., 1968 // СА. 1971. №3.
- Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
- Baranov I.A. Die keramik der saltovo-majaki kultur in der Krim // Die keramik der saltovo-majaki kultur und ihrer Varianten. Budapest, 1990.
- Scholl T., Zin'ko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999.

ZINKO V. N., PONOMAREV L. Y.

RESEARCH OF EARLY MEDIEVAL MONUMENTS IN THE NEIGHBOURHOOD OF GEROEVSKOYE SETTLEMENT

Summary

In 1996 the Bosporos rescue-archaeological expedition undertook excavation of early medieval complexes in the settlements of Geroevka-2 and Geroevka-3 situated on the edge of shore plateau at the distance of 2.5 km to the south of the settlement of Geroevskoye. On the top of a barrow dating back to the 4th century BC near the northern outskirts of Geroevka-2 a small building dated back to the second half of the 8th - the end of the 9th centuries was studied. Its topographic and constructive peculiarities as well as not large quantity of ceramics indicate to the uninhabitable character of the building. Most probably it was used as a patrol-observation post. On the southern outskirts of Geroevka-3 a two-chamber dwelling building of the same period was excavated. Different packing and crockery were found here. Judging by the finds of fragments of jugs with high neck and flat handle, the destruction of the whole complex should be dated back to the end of the 9th century, when the majority of settlements in the Eastern Crimea were abandoned.

В. С. ФЛЁРОВ

ЛОЩЁНЫЕ МИСКИ, БЛЮДА, ЧАШИ и КУБЫШКИ
ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Столетие со дня рождения М.И.Артамонова обязывает напомнить ещё об одной уже прошедшей дате. В 1995 году исполнилось 60 лет его книге "Средневековые поселения на Нижнем Дону" [Артамонов 1935] – первая и по сути его единственная книга, посвященная исключительно археологическим материалам Хазарского каганата. К этому, уже достаточно редкому изданию, обращаются все реже, а зря. При небольшом объеме она содержит большой фактический материал и обширную библиографию. В ней впервые проявился современный подход к археологии Хазарии. Пользуясь весьма незначительным по нынешним меркам материалом, исследователь четко определил круг проблем материальной культуры каганата и круг археологических источников, требующих систематизации и осмысления для решения этих проблем. Среди археологических источников (письменным посвящена его вторая книга "Очерки древнейшей истории хазар", шестидесятилетие которой приходится на 1997 год) на первое место выдвигается керамика, о значении которой автор говорит уже на первой странице своего труда и которой уделено несколько разделов книги. Только изображений фрагментов и целых сосудов приведено 170. Это при объеме книги всего в 117 страниц!

Если до М.И.Артамонова какое-то внимание обращалось хотя бы на весьма эффектную и представленную целыми формами керамику могильников, то он впервые вводит в научный оборот керамику поселений, в том числе Саркела, справедливо сетуя на невнимание прежних исследователей к керамике вообще и в том числе этого первостепенного памятника [Артамонов 1935, с. 23].

Изучение керамики поселений салтово-маяцкой культуры продолжил И.И.Ляпушкин, с трудами которого, отметим, получает распространение это название материальной культуры Хазарии бассейна Дона, а также и ее керамики. Несколько позднее к керамике салтово-маяцкой культуры обращается С.А.Плетнёва. С сожалением, однако, приходится констатировать, что в последние годы интерес к керамике заметно угасает, что никак не оправдано. В целом же, я бы назвал современные представления о ней весьма ограниченными и поверхностными, а для многих регионов Подонья даже зачаточными. Нет не только посвященных ей